

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 23**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 23 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 296 с.

ISBN 978-5-458-04673-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04673-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія Григорія Саввича Сковороды, українскаго философа XVIII столѣтія.

(Род. 1722 г., ум. 1794 г.).

Григорій Саввичъ Сковорода—прежде всего *философъ-моралистъ*. Онъ говоритъ о себѣ: „изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“). Когда онъ выступилъ на поприще дѣятельности, къ которой чувствовалъ призваніе, то старался вліять на нравственную жизнь тѣхъ, съ которыми онъ обращался и соприкасался. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ (Хиждеу. Григорій Варсава Сковорода. „Телескопъ“. Часть XXVI, стр. 158). Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, своими бесѣдами съ близкими ему людьми, переходя съ одного мѣста на другое. У него слово не расходилось съ дѣломъ и убѣжденіе—съ дѣйствіями и поступками; поэтому его жизнь была лучшимъ примѣромъ высокой нравственности для тѣхъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ. Но онъ не ограничивался лишь устными бесѣдами; онъ писалъ сочиненія для тѣхъ же близкихъ людей, которыя и передавалъ по назначенію, не предназначая, повидимому, ихъ для печати.

Благодаря тому, что сочиненія Г. С. Сковороды сохранились и дошли до насъ (напечатаны лишь немногія изъ

нихъ), мы имѣемъ теперь возможность на основаніи ихъ составить себѣ болѣе или менѣе цѣльное представленіе о томъ высокомъ нравственномъ идеалѣ, который создалъ Сковорода для своей жизни и проповѣдовалъ другимъ.

Главный недостатокъ своего времени Сковорода видѣлъ въ упадкѣ нравственности въ обществѣ и въ отсутствіи нравственнаго идеала. Этому идеала онъ не находилъ не только въ своемъ отечествѣ, но и за границею, куда онъ по-палъ, благодаря обстоятельствамъ, благоприятно для него сложившимся. „Черезъ странствованіе по Европѣ, говоритъ одинъ изъ почитателей Сковороды, онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ богатоу кланяются, а бѣднаго презираютъ, видѣлъ...., какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаеніемъ, какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховникахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ,—словомъ, онъ видѣлъ все, что можно видѣть каждый день на нашемъ земномъ шарѣ“ (статья о Сковородѣ Густава Гессъ де-Кальве, „Украинскій Вѣстникъ“ за 1817 годъ, апрѣль, 109 стр.). „Весь миръ спитъ и спитъ глубоко“, говоритъ Сковорода, разумѣя нравственный сонъ челоуѣчества. Въ другомъ мѣстѣ Сковорода называетъ миръ „мертвецомъ“ въ томъ же нравственномъ отношеніи („Брань Архистратига Михаила съ Сатаною“). Сковорода понималъ важность и значеніе наукъ и цивилизаціи, развившихся на Западѣ. „Я наукъ не хую,—говоритъ онъ,—и самое послѣднее ремесло хвалю“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“). Но *утилитарное* направленіе умовъ, развившееся подъ влияніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе умственные и нравственные запросы челоуѣческаго духа, вызывало со стороны философа-моралиста сильное порицаніе. Во имя этихъ-то высшихъ требованій духа онъ и ратовалъ противъ матеріалистическаго направленія жизни, указывая на то, что эти требованія безотчетно сказываются въ челоуѣчествѣ въ видѣ испытываемой неудовлетворенности духа и мысли. „Я и саму часто дивлюсь,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ

„Разговоръ о душевномъ мирѣ“, — что мывъ постороннихъ околичностяхъ черезчуръ любопытны, рачительны и проникательны: измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались въ лунѣ горь, рѣкъ и городовъ, нашли закомлетныхъ мировъ несчетное множество; строимъ непонятныя машины; засыпаемъ бездны; воспящаемъ и привлекаемъ стремленія водныя; что денно, новые опыты и дикія изображенія. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ кажется, *чегось великаго недостаетъ*. Нѣтъ того, чего сказать не умѣемъ; одно только знаемъ, что недостаетъ чегось, а что оно такое, не понимаемъ. Похожи на безслеснаго младенца: онъ только плачетъ; не въ силахъ ни знать, ни сказать, въ чемъ ему нужда; одну только досаду чувствуетъ. *Сіе явное дѣиши нашей недовольтвоіе не можетъ ли намъ дать доадаваться, что ось сіи науки не могутъ мыслей нашихъ насытити. Бездна душевная, виднишь, оными не наполняется*“.

Не найдя ни дома, ни за границею, ни въ жизни, ни въ философіи своего времени нравственнаго идеала, котораго искалъ, Сковорода обратился къ древности. Ученикъ и другъ Сковороды *Ковальнскій*, который написалъ біографію его, говоритъ, что „любимѣйшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ; а изъ новыхъ — относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія“ (Житіе Сковороды. Изданіе редакціи „Кіевской Старины“ 1886 г., стр. 23). Сковорода говоритъ о себѣ, что Библію онъ началъ изучать около 30-ти лѣтъ отъ рожденія. „Эта прекрасная книга надъ всѣми моими полюбовницами (излюбленными книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Съ Библіею не разставался онъ до самой смерти. Онъ зналъ ее такъ, какъ знали немногіе (что можно видѣть изъ его сочиненій). Для лучшаго пониманія ея онъ изучилъ еврейскій языкъ, насколько это было доступно ему. Его взглядъ на Библію не-

согласовался ни со взглядомъ тѣхъ, которыхъ онъ называлъ „спящими на Библии“, или (повторяя Ап. Павла) „почивающими на законѣ“, ни со взглядомъ рационалистовъ XVIII стол. (этотъ взглядъ выяснится дальше). Руководясь толкованіемъ Библии Филона Иудейскаго, Ап. Павла и нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви, Сковорода видѣлъ въ ней книгу, научающую глубокому *самопознанію*, познанію Бога и природы, и указующую нравственный идеалъ людямъ. Рядомъ съ изученіемъ Библии онъ изучалъ древне-классическую философію и древне-классическій міръ вообще. Тотъ же Филонъ, а затѣмъ Плутархъ, Цицеронъ и другіе обогащали его свѣдѣніями по древне-классической философіи, вызывали въ немъ сознаніе необходимости непосредственнаго знакомства съ сочиненіями Платона и Аристотеля и руководили его въ пониманіи и изученіи этихъ сочиненій. Чѣмъ болѣе знакомился Сковорода съ древне-классическою философіею и древне-классическимъ міромъ, тѣмъ болѣе находилъ удовлетворенія своимъ душевнымъ потребностямъ и стремленіямъ, и тѣмъ отчетливѣе выяснялся предъ нимъ высокій *общечеловѣчскій* нравственный идеалъ. Взоры его, какъ философа-моралиста, обращены были прежде всего и болѣе всего на Сократа, всю жизнь свою посвятившаго на то, чтобы будить въ соотечественникахъ высшія нравственныя чувства и стремленія. О вліяніи личности и дѣятельности Сократа на Сковороду и его дѣятельность будетъ сказано нами отдѣльно. Это вліяніе засвидѣтельствовано самимъ Сковородою, который „восхотѣлъ быть Сократомъ на Руси“. Подобно Сократу, Сковорода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе: „познай самого себя“—и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. У Платона и Аристотеля онъ нашелъ глубокую умозрительную философію. У Стоиковъ, кромѣ умозрительной философіи, онъ нашелъ начертаніе общечеловѣческаго нравственнаго идеала, и не только начертаніе, но и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ. Самый характеръ римскаго народа, какъ онъ выразился въ древнѣйшую эпоху жизни

его, казался Сковородѣ весьма симпатичнымъ. „Какъ только я стану читать книжечку Цицеронову: „О старости“,—пишетъ онъ въ своемъ письмѣ къ Тевяшову (для котораго онъ перевелъ на русскій языкъ эту книжечку),—открывается мнѣ театръ древнѣйшихъ римскихъ временъ, а на немъ представляется, напимѣръ, Камиллусъ, Корунканіусъ, Куріусъ и прочіи таковыи. Признаюся, что позорищемъ сихъ добротою сіяющихъ сердець плѣняется мое душевное око, и прихожу въ понятіе, что нѣтъ ничего ни любезнѣе, ни приманчивѣе, какъ добродушіе. Не могу довольно надивиться, какимъ образомъ они могли быть просты, но поважны, грубы, но дружелюбны, вспыльчивы, но незлобивы, ласковы, но не лукавы, сильны, но справедливы, побѣдительны, но милосердны, властительны, но безкорыстолюбны, немного ученые, но благоразумны, разумны, но безковарны, великолѣпны, но щедры, хвастуны, но не луны, стяжательны, но необидливы, спорники, но неправоненавистники, склонны къ заблужденію, но нежелатели его, защитники грѣха, но поколь лести его не узнали, честолюбцы и славолюбцы, но безпритворны и не мартышки, изобильны, но не сластолюбцы и не изнѣженные трудолюбцы, не христіане, но любители безсмертія“. Повидимому, Сковорода предпочиталъ характеръ римскаго народа характеру грековъ и въ частности — характеру аеинянъ. „Воздухъ бьетъ Катонъ (т. е. говоритъ), какъ аеиняне, но сердцемъ и грудью говоритъ римлянинъ, поражая востріемъ духа въ самую душевную точку и оставляя въ ней язвительное чувство, будто пчела жало. *Знать-то такъова рѣчь, какова жизнь, а жизнь такъова, какъ сердце*“, въ томъ же письмѣ говоритъ Сковорода. Видно, что нравственный характеръ Катона и другихъ подобныхъ ему римлянъ воодушевлялъ философа-моралиста, который самъ стремился къ тому, чтобы въ жизни слово и убѣжденія не расходились съ дѣломъ и поступками. Но завершеніе высокаго нравственного идеала онъ видитъ въ христіанствѣ. „Внимай,—говоритъ онъ въ „Разгорѣ о душевномъ мирѣ“,—внимай, что пишетъ Лука о первыхъ христіанахъ: бѣ въ нихъ едина душа и едино

сердце.... А что-жь то? Какое въ нихъ сердце? Кромѣ согласной въ нихъ любви, вотъ какое! Они же убо радовахуся, яко за имя Господа Іисуса сподобихася пріяти безчестіе.... Но вотъ еще геройское сердце! Хулими утѣшаемся! *) Радуюся въ страданіяхъ моихъ. Кто можетъ безъ удивленія прочесть ту часть его (Ап. Павла) письма, которая читается въ день торжества его? Она есть позорищемъ прекраснѣйшихъ чудесъ, плѣняющихъ сердечное око“. Какъ ни враждебно относился Сковорода къ современному ему монашеству, въ которомъ подлѣ монашескою рясою нерѣдко скрывалось, по его выраженію, „мірское сердце“, несмотря на это, въ древнемъ монашествѣ, — въ такихъ подвижникахъ, какъ Павелъ Фивейскій, Антоній Египетскій, Савва Освященный, — онъ видѣлъ осуществленіе того же высокаго христіанскаго нравственнаго идеала, который отмѣтилъ у первыхъ христіанъ. „Уклонися отъ зла, — говоритъ онъ въ „Бесѣдѣ, нареченной: Двое“, — да явишися человѣкомъ. Стяжи мужей оныхъ (Павла Фивейскаго, Антонія Египетскаго, Саввы Освященнаго) сердце. Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ“.

Вышеизложеннымъ не исчерпывается все ученіе Сковороды о нравственности и нравственномъ идеалѣ. Оно соединено у него съ умозрѣніемъ и практическою философіей, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Представленный нами бѣглый очеркъ Сковороды, какъ *философа-моралиста*, съ указаніемъ

*) Кстати привести здѣсь случай изъ жизни Сковороды, о которомъ онъ съ тяжелымъ чувствомъ стыда говоритъ въ томъ же сочиненіи — „Разговоръ о душевномъ мирѣ“: „Открою вамъ, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ въ неподлой компаніи не безъ удачи быть участникомъ разговора. Радовался я тѣмъ, но радость моя вдругъ исчезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣивать меня, вкидая въ разговоръ такія алмазныя слова, кои тайно изображали подлѣй мой родъ и низкое состояніе и тѣлесное безобразіе. *Стидно* мнѣ вспомнить, сколь затревожилось сердце мое, а паче, что сего отъ нихъ не чаялъ; въ силу я по долгомъ размысленіи возвратилъ мой покой, вспомнивъ, что они — бабины сыны“. [Что означаетъ послѣднее выраженіе, онъ объясняетъ при помощи басни о бабѣ, покупавшей горшки, которую (басню) приводитъ тутъ же; она же помѣщена въ числѣ „Харьковскихъ басней“.]

первоисточниковъ его нравственнаго идеала, показываетъ уже, насколько ошибаются тѣ, которые искали и ищутъ непосредственной зависимости Сковороды отъ кого-либо изъ западно-европейскихъ философовъ XVII или XVIII стол. Мнѣніе относительно этой зависимости составилось, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что Сковорода жилъ нѣкоторое время за границею, „гдѣ,—какъ говоритъ Ковалѣнскій—любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми учеными и знаніями отлично славными тогда“. Это тѣмъ болѣе доступно ему было, что „онъ говорилъ весьма исправно и съ особенною чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинскій“ („еллинскій предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ковалѣнскій, стр. 47); онъ снискалъ „знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними пріобрѣлъ новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ“ (Ковалѣнскій, стр. 13). Густавъ Гессъ де-Кальве говоритъ, что „онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи“ („Украинскій Вѣстникъ“, часть VI, стр. 108). Но Ковалѣнскій говоритъ только о Венгріи, Вѣнѣ, Офенѣ и Пресбургѣ, „съ прочими окольными мѣстами“, куда путешествовалъ Сковорода. Въ этомъ случаѣ мы должны довѣриться болѣе показанію Ковалѣнскаго, какъ ближайшаго друга Сковороды, чѣмъ показанію Г. Гессъ де-Кальве; поэтому, кругъ заграничнаго путешествія Сковороды не былъ такимъ обширнымъ, какъ представилъ его этотъ послѣдній. Но, какъ бы то ни было, кажется, еще при жизни Сковороды нѣкоторые сравнивали его съ мартинистами; по крайней мѣрѣ, онъ въ бесѣдѣ съ Ковалѣнскимъ о разныхъ сектахъ счелъ нужнымъ высказаться о мартинистахъ: „я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ обособничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты“ и т. д. (Ковалѣнскій, стр. 41). Тѣмъ болѣе нельзя ставить его въ зависимость отъ кого-либо изъ другихъ

извѣстныхъ мистиковъ XVIII стол. Особенно Скворода не обнаруживалъ склонности къ видѣніямъ духовъ и умершихъ и къ теургіямъ, что, какъ извѣстно, практиковалось въ мистическихъ сектахъ того времени. Тѣмъ не менѣе названіе „мистика“ оставалось за Сквородою до послѣдняго времени (Ибервегъ-Гейнце: „Исторія новой философіи“, 533 стр.). Въ настоящемъ году въ статьѣ журнала „Недѣля“ (январь 1894 г.) высказанъ иной взглядъ на Сквороду, совершенно противоположный вышеуказанному. Здѣсь Скворода названъ „раціоналистомъ pur sang“ (стр. 21). Авторъ этой статьи усмотрѣлъ „средство“ философіи Сквороды съ философіею Спинозы, хотя при этомъ предупредилъ читателей, что онъ не имѣетъ „ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказательствъ какого бы то ни было знакомства Сквороды съ сочиненіями Спинозы или кого-либо изъ его учениковъ и послѣдователей“ (тамъ же).

Нужно сознаться, что сочиненія Сквороды были мало извѣстны. Большинство тѣхъ, которые писали о Сквородѣ, едва ли имѣло подъ руками настолько достаточное количество ихъ, чтобы оцѣнить ихъ достоинство надлежащимъ образомъ (см. статью въ „Недѣль“, стр. 21, примѣч.). Да и тѣ, которые имѣли подъ руками значительное количество ихъ, не имѣли терпѣнія, ни даже желанія прочитывать ихъ. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ Халявскій (Данилевскій): „онъ (Скворода) писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти не замѣтный“ („Основа“ за 1862 годъ, сентябрь, 67 стр.); „прослѣдить большую часть его разсужденій теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаешь развѣ записной библіоманъ“ (стр. 68). Дѣйствительно, указанный авторъ прибѣгъ къ выпискѣ изъ „Исторіи философіи“ архимандрита Гавріила, чтобы дать понятіе читателямъ о философіи Сквороды, заявивши при этомъ, что арх. Гавріиль изучалъ печатныя и неизданныя сочиненія Сквороды. Мы позволимъ себѣ усомниться въ томъ, что арх. Гавріиль

изучалъ сочиненія Сковороды, иначе мы вправѣ были бы ожидать отъ него, какъ спеціалиста, большаго, чѣмъ сколько изложено имъ о философіи Сковороды въ его „Исторіи философіи“; да и то, что имъ изложено здѣсь, заимствовано, повидимому, изъ статьи Хиждеу, подъ заглавіемъ: „Григорій Варсава Сковорода“, напечатанной въ Телескопѣ за 1835 годъ (часть 26); она даетъ намъ относительно философіи Сковороды больше, чѣмъ другія. Видно, что этотъ почитатель Сковороды и его философской дѣятельности усердно изучалъ сочиненія его и старался уразумѣть его философію. Онъ располагалъ большими средствами, чѣмъ располагаемъ мы въ настоящее время (онъ дѣлаетъ указанія на такія сочиненія Сковороды, которыхъ никто, кромѣ него, не указываетъ). Результатомъ его изученія сочиненій Сковороды было подробное изслѣдованіе, написанное имъ для нѣмецкаго профессора-историка Гёрреса (Görres). То, что напечатано въ „Телескопѣ“, есть, по его собственному заявленію, только краткое (афористическое) извлеченіе изъ рукописи, написанной на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Gregor Scoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zur einer Geschichte der Slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görres, Professor an der Universität zu München“. Была ли напечатана гдѣ-либо эта рукопись Хиждеу, намъ неизвѣстно; напечатанное же въ Телескопѣ, хотя весьма цѣнно для насъ, особенно по выдержкамъ изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій Сковороды, крайне недостаточно для полнаго знакомства съ философіею Сковороды. Вообще, можно безъ преувеличенія сказать, что философія Сковороды была доселѣ почти неизвѣстна русскій публикѣ.

Сократическая дѣятельность Сковороды.

Въ противоположность другимъ (исключая Хиждеу), мы ставимъ Сковороду въ зависимость отъ древне-классической философіи тамъ, гдѣ дѣло касается его философіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оттуда онъ черпалъ философскія идеи,

переработывая ихъ согласно собственному настроенію и тенденціямъ, а также согласно мѣсту, духу времени и потребностямъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. Древне-классическая философія положила свой отпечатокъ на философское мышленіе Сковороды. Быть можетъ, этимъ онъ существенно отличается отъ мистиковъ, съ которыми его сопоставляютъ. Повидимому, онъ былъ склоненъ по природѣ къ мистицизму; но изученіе древне-классической философіи вывело его на болѣе здравый путь мышленія. Онъ иногда говоритъ языкомъ рационалистовъ XVIII стол., и въ этомъ случаѣ мы не отвергаемъ совершенно вліянія на него мыслителей этого вѣка. Но наибольшее вліяніе производила на него древне-классическая философія, чѣмъ и объясняется то, что онъ не послѣдовалъ за отрицательною философіей XVIII стол. Сочиненія Сковороды показываютъ глубокое пониманіе твореній великихъ философовъ древности: онъ хорошо понимаетъ общеміровое ихъ значеніе. Задумавши вызвать русское національное самознаніе, онъ избираетъ своимъ руководителемъ Сократа.

„Куда мы слѣпы,—говоритъ Сковорода,—въ томъ, что нужно намъ есть. Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли *изъ науки Сократовой*, ка..ъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолъ не быть ни своему Платону, ни другому философу. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспослешь къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ наипервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы изъ себя выведемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная („Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“. Телескопъ, статья Хиждеу, стр. 41). Сковорода чувствуетъ, что настало время народненія философіи въ Россіи. „Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Анна слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ“ (тамъ же). Но, замѣчаетъ Сковорода, „многое прежде